

Фэн Бэй с тех пор, как возглавил компанию, вечно ходил с каменным лицом, был строг, безжалостен и вызывал у окружающих лишь глухое раздражение. Что на него нашло сегодня? Словно железная скала вдруг зацвела — он позволил себе отвлечься?

По напоминанию ассистента Фэн Бэй опомнился, но тут же резко захлопнул папку с документами и сухо произнес:

— У меня дела, я ухожу. Этот проект меня совершенно не устраивает. К завтрашнему совещанию подготовьте другие варианты решения.

Сказав это, он поднялся, схватил пиджак и, прежде чем кто-либо из руководителей успел прийти в себя, его высокая фигура уже исчезла в дверях кабинета.

Ассистент поспешно последовал за ним, на ходу просматривая расписание, и с сомнением произнес:

— Господин Фэн, до вашей встречи с профессором Ли еще полчаса. Пробок сейчас нет, вам не обязательно так спешить.

Фэн Бэй уже сел в машину, захлопнул дверь и, крутанув руль, вылетел с парковки. Проехав несколько метров, автомобиль внезапно остановился. Он опустил стекло и поманил ассистента рукой.

Тот поспешно подбежал и склонился, ожидая распоряжений.

Фэн Бэй смотрел вперед, пальцы его с силой сжимали руль. Словно приняв важное решение, он спросил:

— В последние дни никто не приносил мне обеды?

Ассистент остолбенел, на мгновение усомнившись, не ослышался ли он. Неужели господин Фэн стал интересоваться такими вещами?

До того как оба молодых господина из клана Хэ оказались в больнице, Хэ Гуанъюнь упорно добивался расположения Фэн Бэя. Он то и дело привозил собственноручно приготовленные обеды или лично ездил за десятки километров за хрустальными пельменями с креветками — словом, старался угодить и привозил то, что Фэн Бэй любил.

Но в последнее время — тишина.

Возможно, из-за пребывания в больнице ему было не до этих знаков внимания. Однако ассистент, постоянно находившийся рядом с Фэн Бэем, знал, что это маловероятно. Когда Хэ Гуанъюнь однажды лежал с тяжелой пневмонией и был на грани беспамятства, он все равно наказывал эконому присылать изысканные десерты. А ведь с момента аварии прошло уже два-три месяца, и его состояние почти пришло в норму.

Почему же теперь ни слуху ни духу?

Ассистент машинально ответил:

— Господин Фэн, вы проголодались? Я сейчас же велю кому-нибудь купить еды!

Фэн Бэй нахмурился:

— Я не хочу есть.

Ассистент продолжил:

— Раньше, когда старший господин Хэ присылал что-то, вы всегда велели нам выбрасывать это в мусорный бак у входа, говоря, что от одного запаха тошнит. Почему же сегодня вы вдруг об этом спросили?

Фэн Бэй поджал губы, его лицо напряглось, и он перебил его:

— В последнее время он и не звонил?

Раньше Хэ Гуанъюнь частенько звонил секретарю, работавшей у кабинета Фэн Бэя, чтобы та напомнила о погоде или дорожной ситуации и позаботилась о комфорте Фэн Бэя.

Ассистент осторожно ответил:

— Нет.

Фэн Бэй нахмурился еще сильнее, замолчал и вдавил педаль газа, срываясь с места. Ассистент постоял на месте, глядя вслед, и в зеркале заднего вида на мгновение уловил мрачное, недовольное выражение лица своего начальника.

В кафе тихо звучала фортепианная музыка.

Напротив Фэн Бэя сидел мужчина средних лет с полулысой головой, в черном пальто и очках в темной оправе. Несмотря на усталый вид, в нем чувствовалась тонкая творческая натура. На его руках, сжимавших кофейную чашку, еще виднелись пятна красной и зеленой краски — видно, он только что из мастерской.

Профессор Ли разглядывал красивого, холодного молодого человека, уже догадываясь, кто перед ним. Он много лет учил Хэ Гуанъюня и Чжоу Цзюня, считая их своими любимыми учениками. Но позже, когда те поссорились и Чжоу Цзюнь в сердцах уехал за границу, профессор постепенно потерял с ним связь. Однако Хэ Гуанъюнь все эти годы продолжал навещать его и брать уроки.

Профессор Ли, конечно, знал, что у Хэ Гуанъюня есть возлюбленный, чье сердце ему никак не удавалось покорить.

Хэ Гуанъюнь был парнем с непростым характером, порой даже безрассудным, но, описывая своего любимого, он не жалел самых возвышенных слов. Хотя это казалось преувеличением, увидев Фэн Бэя вживую, профессор вынужден был признать, что этот человек действительно обладает поразительной, острой харизмой.

Фэн Бэй не стал тратить время на светские беседы. Длинными пальцами он обхватил ручку чашки, но пить не стал и глухим голосом спросил:

— В его состоянии есть ли шанс, что он сможет продолжить рисовать левой рукой?

— Господин Фэн, — с досадой ответил профессор Ли, — рисовать может каждый, но он не левша. Разница между тем, что рисует правая рука и левая, — колоссальна. Вы что, думаете, все вокруг гении, способные на что угодно?

Фэн Бэй смотрел на него, не произнося ни слова.

Профессор продолжил:

— Чтобы стать выдающимся художником, работая привычной правой рукой, нужно потратить семь-восемь лет, и даже это — редкий дар, талант один на миллион. А вы хотите, чтобы он использовал непривычную левую руку? На это уйдут десять лет, не меньше. И в эти десять лет, когда он будет вынужден начинать с нуля, словно какой-то инвалид, кто угодно сломается.

Фэн Бэй молчал, пальцы, сжимавшие чашку, одеревенели. Пар, поднимавшийся из чашки, казалось, застыл в воздухе.

Профессору было невыразимо жаль ученика. Тяжело вздохнув, он бросил перед Фэн Бэем несколько фотографий. Это были снимки с празднования выставки Хэ Гуанъюня. На них молодой человек выглядел сияющим, с уверенной, живой улыбкой, словно жаркое солнце, способное растопить всё на своем пути. Эта улыбка могла заразить любого. В прошлый раз, когда Фэн Бэй видел его у больничной палаты, в разговоре о любимом деле промелькнула тень той самой искры.

Фэн Бэй смотрел на фотографии, погрузившись в мысли. Он никогда не видел такой стороны Хэ Гуанъюня. В его присутствии тот всегда был осторожен, полон тревог и страха сделать что-то не так. Разве стал бы человек так робеть и унижаться, если бы не любил? Поэтому он никогда не задумывался, что именно совершил по отношению к Хэ Гуанъюню. И что будет с ним, если он больше никогда не сможет рисовать?

— Среди моих учеников Гуанъюнь был самым одаренным. Его талант — это интуиция, тонкая, как нюх хищника. Он был невероятно трудолюбив, получил множество наград даже в стране, и все эти годы не прекращал занятий. Я думал, однажды он станет великим, достигнет вершин в

этом деле.

— Но теперь, похоже, это невозможно.

— Его талант может быть загублен из-за вас. Если правую руку не вылечить, рисование навсегда останется для него незаживающей раной.

Слова профессора были правдой, и Фэн Бэю нечем было крыть. Когда тот ушел, он продолжал сидеть на своем месте, не двигаясь, пока кофе совсем не остыл, а на его лице отражалась сложная гамма чувств.

Приходилось признать: он не предвидел такого исхода. Когда врач предупреждал, что состояние Хэ Гуанъюня более критическое, он лишь насмешливо усмехнулся, не придав этому значения.

Хэ Жофэн был его спасителем, и он всегда считал, что решение спасти в первую очередь Хэ Жофэна было абсолютно верным.

Но почему...

Почему он сейчас так колеблется?

Разве он не ненавидит Хэ Гуанъюня? Да, верно, ненавидит, но... В следующую секунду Фэн Бэй снова окунулся в холод. Он никогда не жалел о своих решениях. Единственное, что ему стоило исправить, — это необъяснимый интерес к Хэ Гуанъюню, вот это было ошибкой.

Когда Фэн Бэй появился у палаты, уже стемнело. Зима, шел небольшой снег. Его черное пальто было припорошено снегом на плечах, который от тепла коридора превращался в влажные пятна. Медсестра, столкнувшись с ним в коридоре, уже хотела что-то сказать, но, поймав его взгляд, тут же умолкла.

Фэн Бэй сам не понимал, зачем пришел. Он словно хотел что-то доказать — доказать, что ему совершенно плевать на Хэ Гуанъюня. Но, стоя у двери и заглянув в щель, он замер.

Се Гуаньцзюй сжался в комок на краю кровати, его лицо было мертвенно-бледным. Он держал в одной руке нож для фруктов, в другой — яблоко. Повернувшись к Фэн Бэю боком, он смотрел на яблоко своими черными, словно потухшие угли в зимнюю ночь, глазами. Его правая рука дрожала, когда он пытался срезать кожуру.

Но ничего не выходило. Несмотря на все усилия, он не мог совладать с острым лезвием. Кусочки кожуры падали на пол, а яблоко в его руках превращалось в нечто уродливое.

Рука дрожала так сильно, что даже такой простой жест, как вращение ножа по кругу, был ему не под силу.

Однако он не сдавался. Упрямо, с каким-то остервенением, он брал новое яблоко и начинал новую борьбу.

Весь пол был усеян испорченными яблоками.

Ни одно из них не было очищено идеально. В этих уродливых следах читалось полное отчаяние. Художник, который больше не может удержать кисть... Все мечты разбиты, будущее недостижимо.

Фэн Бэй смотрел на это и вдруг понял, что не может отвести взгляд. Он никогда не видел, чтобы Хэ Гуаньюнь был так серьезен до степени отчаяния. В этом была какая-то роковая притягательность, это нежелание сдаваться, эта жажда жизни, от которой невозможно было оторваться.

Его взгляд скользнул по белоснежному лбу, по изящному носу, по тонким губам. Они были сухими и бледными, словно он не пил воды много дней. Фэн Бэй не осознал, как его горло дернулось — губы парня манили его, ему хотелось поцеловать их, увлажнить трещинки.

Очередное яблоко было испорчено. Нож бессильно выпал из рук Се Гуаньцзюя. Он тихо закрыл глаза, ресницы дрогнули, и отчаяние беззвучно разлилось по его лицу. Он больше никогда не возьмет кисть. Он даже не может почистить фрукт. Он стал калекой.

Уголки его губ дернулись в жалкой, горькой улыбке, словно все защитные барьеры, которые он выстраивал так долго, рухнули в одночасье.

Он тупо смотрел на свою руку. Рукав больничной пижамы сполз, полностью обнажая правую руку.

Он горько усмехнулся, и на его лице отразилась мука.

Сердце Фэн Бэя сжалось. Он схватился за дверную ручку, глядя на эту изящную, но покрытую шрамами руку. У него были красивые руки — длинные пальцы, нежная кожа. Но теперь на это было больно смотреть. Даже если современные технологии могли бы скрыть большую часть шрамов, самый длинный из них, тянувшийся от тыльной стороны ладони до запястья, останется навсегда.

Фэн Бэй осознал это с пугающей ясностью. Отныне этот человек больше не сможет рисовать, писать этюды, устраивать выставки. И даже не сможет просто обнажить запястье, потому что там уродливый шрам.

Осталась только одна рука, которая может работать. В будущем даже завязывание шнурков или галстука станет для него испытанием, которое придется разучивать заново.

Теперь он навсегда останется неполноценным.

Никогда больше не сможет жить жизнью обычного человека.

Неужели такова цена любви к нему, Фэн Бэю?

Какая же жестокая цена...

Глядя на Се Гуаньцзюя, Фэн Бэй почувствовал, как что-то сжалось в груди. Это чувство было ему совершенно незнакомо, словно что-то ворвалось в сердце, вырыло в нем глубокую яму и начало болеть без всякой причины.

Он никогда не испытывал ничего подобного. Боль исходила из самой глубины души, и чем отчаяннее выглядел Хэ Гуанъюнь, тем сильнее становилась эта боль.

Что происходит?

Он ошеломленно смотрел, как Се Гуаньцзюй опустил голову, что-то шепча.

Фэн Бэй невольно прислушался:

— Я не виню его. Даже несмотря на это, я все еще люблю его. Разве я не смешон и не жалок?

Молодой человек под светом лампы тихо бормотал себе под нос. Он смотрел на свои руки и улыбался — с точки зрения Фэн Бэя, эта улыбка была полна безнадежности. Его фигура казалась почти прозрачной, а отчаяние переплеталось с неистребимым, жгучим чувством. Это чувство, подобно мотыльку, летящему на огонь, ворвалось в глаза Фэн Бэя и сожгло всё внутри.

Фэн Бэй замер. В этот миг к боли в сердце добавилось что-то еще — необъяснимый трепет.

Система 502 подала голос: — Поздравляю, Се-гэ! Отношение объекта увеличилось еще на 15 баллов!

Се Гуаньцзюй провел в больнице еще месяц, прежде чем его выписали. Перелом ноги и сотрясение мозга прошли, остался лишь уродливый шрам на правом запястье, словно вечное напоминание о его увечье.

В день выписки Се Гуаньцзюй с облегчением вздохнул:

— Наконец-то свобода.

502: — Ты же вроде неплохо ел больничную еду, я думал, тебе нравится лежать в больнице.

Се Гуаньцзюй: — Ты знаешь, как тяжело мне было притворяться подавленным?! Мне было так комфортно и хорошо, что хотелось смеяться, а приходилось строить из себя страдальца. Я просто герой!

502: — ...Жалость нужна тем, кого ты обманул, а не тебе!

Се Гуаньцзюй спросил:

— Разве профессионализм — это моя вина?

502: — ...Нет.

С тех пор как Се Гуаньцзюй узнал, что больше не сможет рисовать, он каждый день сидел у окна, глядя на одинокие сухие ветки. Он смотрел на них, погребенные под снегом, и словно видел в этих увядающих ветвях себя. Мечты больше не имели к нему отношения. Он стал калекой.

Его и без того худощавое тело в безразмерной больничной пижаме выглядело донельзя удручающе, а изможденный бледный профиль вызывал у медсестер лишь жалость.

Чжоу Цзюнь приходил несколько раз, но какие бы шутки он ни рассказывал, он больше не мог вызвать улыбку на лице этого некогда жизнерадостного парня. Видя, как Хэ Гуанъюнь чахнет день ото дня, Чжоу Цзюнь кипел от гнева и несколько раз хотел проучить Фэн Бэя, но тот был неуловим. Каждый раз после визита к Хэ Гуанъюню Чжоу Цзюнь подолгу стоял в углу больничного двора, оставляя после себя гору окурков.

После выписки Се Гуаньцзюй вернулся в дом клана Хэ.

Раньше он жил в своей квартире, потому что в доме Хэ жил Хэ Жофэн, который очень нравился старшим членам семьи. В отличие от него, Хэ Гуанъюнь был с резким характером и острым языком, и в борьбе с изворотливым Хэ Жофэном всегда проигрывал. После нескольких стычек, в которых он оказывался в дураках, он решил просто съехать, чтобы не видеть их.

Хотя мать Хэ всегда уговаривала сына вернуться, Хэ Гуанъюнь был упрям: сказал не вернусь — значит не вернусь.

В этот раз, когда Се Гуаньцзюй вернулся с экономом, Хэ Жофэн был крайне удивлен. Видя, как

мать Хэ тут же начала крутиться вокруг своего родного сына, он почувствовал досаду, но пока ничего не мог поделать. Хотя за эти годы он сумел завоевать расположение отца Хэ, с матерью отношения не складывались.

Он понимал: нельзя допустить, чтобы ситуация затянулась, иначе Хэ Гуанъюнь пошатнет его положение в семье, и акции, которые он с таким трудом выманивал у супругов Хэ, окажутся под угрозой.

Се Гуаньцзюй же вообще не считал Хэ Жофэна серьезным противником.

Вернувшись в дом, он вел себя так, будто мать Хэ, узнав, что сын больше не может рисовать, испугалась его депрессии и специально приехала из-за границы, чтобы быть рядом и поддерживать его.

Раньше отношения Хэ Гуанъюня с родителями были крайне натянутыми. Он не умел проявлять чувства, был горд и замкнут, к тому же Хэ Жофэн постоянно плел интриги. Но теперь, с Се Гуаньцзюем, все изменилось. Пройдя через множество миров, он мастерски владел актерским искусством. Если он хотел проявить нежность или заботу, никто не мог устоять перед его обаянием.

В глазах матери он сейчас выглядел как раненый зверь, вынужденный спрятать когти, — жалкий и сломленный. Это пробудило в матери Хэ давно забытые чувства, и она проводила все время с сыном, балуя его выпечкой и заботой.

В то утро, когда Се Гуаньцзюй спустился к завтраку, отец Хэ читал газету. Хэ Жофэн сидел рядом, прилежно намазывая джем на хлеб — он делал это так ловко, что это всегда нравилось отцу.

Отношения Хэ Гуанъюня с отцом были куда холоднее.

С самого детства они не ладили. Хэ Жофэн был ребенком, которого отец привез от дальних родственников, но был ли он на самом деле его внебрачным сыном — оставалось загадкой. Мать Хэ была мягким человеком и, хотя сомневалась, не решалась задавать вопросы. А Хэ Гуанъюнь, даже желая добиться справедливости, не имел доказательств.

Как бы то ни было, отец Хэ относился к Хэ Жофэну гораздо теплее, чем к родному сыну. Он никогда не помнил дня рождения Гуанъюня, зато каждый год дарил Хэ Жофэну подарки из-за границы. Более того, все, что было у Хэ Гуанъюня, он тут же давал и Хэ Жофэну — будь то роскошные банкеты или половина акций компании.

Увидев его, Хэ Жофэн робко поздоровался:

— Брат.

— Почему так поздно? — Отец Хэ оторвался от газеты и, глядя поверх очков, нахмурился: — Раз уж рисовать не можешь, иди помогай мне в компании. Почему бы тебе не поучиться у младшего брата? Если будешь продолжать в том же духе, лучше вообще не приходи, не позорь компанию.

Се Гуаньцзюй отодвинул стул и невозмутимо ответил:

— Чему у него учиться? Как отбирать чужое?

Отец Хэ не ожидал такой дерзости, его лицо изменилось.

Хэ Жофэн изобразил обиженную невестку и с виноватой улыбкой произнес:

— Я ведь просто хотел, чтобы мы с братом были ближе...

Отец Хэ бросил газету на стол и указал на Хэ Гуанъюня:

— От тебя одни неприятности!

Мать Хэ, занервничав, попыталась остановить мужа:

— Что ты творишь? Сын только из больницы, а ты кричишь на него?

Отец Хэ взревел:

— Только он из больницы? А Жофэн не из больницы? Почему я не вижу от него такой спеси?

Хэ Жофэн, злорадствуя, но сохраняя вид жертвы, добавил:

— Наверное, у брата ко мне предвзятое отношение...

Слушая это, Се Гуаньцзюй не выдержал. Он спокойно взглянул на сидевшего напротив Хэ Жофэна и беззвучно усмехнулся. Этот человек был весьма терпелив и талантлив: за десять лет он полностью втерся в доверие к семье, превратив настоящего сына в чужака.

<http://bllate.org/book/18587/1790308>